

Любовь олигарха

Автор:

Марина Кистяева

Любовь олигарха

Марина Анатольевна Кистяева

Олигархи не умеют любить.

Они привыкли брать.

Булат Валгаров – в том числе.

У него похитили дочь. Она её спасла. Но вместо благодарности получила прожигающий взгляд взрослого, пугающего до дрожи мужчины.

Он пришел за дочкой. Забрал и её.

Но что будет, если нефтяной магнат полюбит?

Марина Кистяева

Любовь олигарха

Олигархи не умеют любить.

Они привыкли брать.

Булат Валгаров – в том числе.

У него похитили дочь. Она её спасла. Но вместо благодарности получила прожигающий взгляд взрослого, пугающего до дрожи мужчины.

Он пришел за дочкой. Забрал и её.

Но что будет, если нефтяной магнат полюбит?

Пролог

Безопасник Мирон Скифский сорвал с шеи галстук и швырнул его на кожаное кресло.

– Рассказывай.

– Чего рассказывать, Доля? Я думал, что я в корень охреневший, когда дело касается Лиды... Но Валгар... Там полный треш. Я ни разу не видел, чтобы мужика так крыло.

* * *

Мужчина в дорогом костюме, уже основательно пьяный, сидел и вертел в руках стакан с почти допитым коньяком.

Перед глазами всплыла картинка из прошлого, где другой мужчина, в тот момент старше его сегодняшнего лет на пять, такой же пьяный, сидел, горько усмехаясь, и говорил ему: «Не люби. Никогда не люби ни одну женщину. Нам нельзя, сына. Понимаешь? Мы же теряем человеческое обличье. Нам становится наплевать на других. Лишь бы она была рядом. Готовы убивать, предавать, лгать. Удерживать силой, шантажом. Нас выворачивает наизнанку от любви. Прокляты мы, Валгаровы, что ли».

Булат посмотрел на недопитую жидкость. Потом резко поднял руку и швырнул бокал в стену.

Глава 1

– Вот те крест, от них пахло кровью... И сами они в кровище были... Глаза злющие...

Угу, и ещё, наверное, у них имелись клыки.

Виктория опустила голову, скрывая улыбку, которая рвалась наружу.

Уже то, что девушка подслушивала, нехорошо, а если местные бабки решат, что она над ними насмехается или не верит – что намного хуже, ей не поздоровится. Житья не дадут.

– Баб Клав, ну что ты говоришь! Ты себя слышишь?! Какие такие мужики...

– Обычные! С руками и с ногами! Рыскали вокруг моего дома!

– Зачем он им сдался?

– А я поколе ведаю? Я проснулась, подошла к окну. А они там стоят. Два. Высоченные и злые.

– Ага, и ты их прямо разглядела?

Надя, продавщица в местном и единственном магазинчике, в котором можно было купить лишь самое необходимое, никаких излишеств, деликатесов и вкусняшек, скептически хохотнула, отчего её грудь, не меньше шестого размера, обтянутая водолазкой, призывно колыхнулась.

– Вот те крест! – баба Клавдия быстро перекрестилась. – Вижуу, вижуу, по глазам твоим бесстыжим, что ты мне не веришь! Конечно, куда уж мне верить-то! А я, в отличие от некоторых, жизнь прожила! И застала те самые девяностые, когда мордovorоты на тачках больших разъезжали и пушками вокруг размахивали! И эти, я тебе говорю, оттуда!

– Ой, всё! – махнула Надя, выкладывая на прилавок две кирпичика хлеба.

– Чего ты мне всёкаешь, звезда на букву «п»? Ещё скажи, что вертолета на днях не видела!

– Не видела... Это твоя подружка придумала! Какой вертолет в нашей местности! Окститесь!

Вика прокашлялась, привлекая к себе внимание.

– Можно я быстренько куплю продукты и уйду? Баба Клава, очень надо.

Она всё-таки выдавила из себя самую обходительную улыбку.

Баба Клавдия, местная старожилка, повернула к ней голову.

– И ты мне не веришь?

– Верю, – быстро кивнула Вика. Она сказала бы что угодно, лишь бы купить самое необходимое и уйти, наконец, из магазина. Ей ещё до дома добираться, а скоро стемнеет.

Надежда решила, что работать полный день ей не в кайф и что она будет выходить с утра два часа и вечером час. Повесила, довольная своим решением, новое расписание. До хозяина магазина, если такой имелся, было не дозвониться. В их районе связь всегда работала с перебоями, а последние недели ухудшилась. Местные к подобному давно привыкли.

А Вика отвыкла... Или причина иная была, о которой думать даже не хотелось.

Баба Клава подозрительно прищурилась.

– Смотри у меня. Тоже ходишь, нос задираешь.

– Бабка Клавдия, да вы что...

– А то! Приехала: ни «здрости», ни «как поживаете»!

– Да я же только обживаюсь...

– Ой, помолчи! – бабка Клавдия распалась сильнее. Её уже было не остановить. – Я сразу твоим говорила: нечего тебя пускать! Девка хорошая ты была! А сейчас! Посмотрите-ка на неё! Городская, значит! Только что же вы, городские, не приживаетесь у себя? Что, богатеньких ухажеров на всех не хватает? И на родину тянет?

– Вы не правы, – Вика из последних сил старалась сохранить спокойствие и не вступить в диспут. – Давайте в знак моего к вам глубочайшего уважения я испеку пирог и приглашу вас на чай. Как вам такая идея, бабка Клавдия? Только дня через три-четыре. А то вдруг, и правда, ваши «кровавые» мужчины тут по окраине ходят-бродят.

Мировая была заключена, продукты куплены, и Вика, не веря в то, что отделалась так легко, вышла из магазина и облегченно вздохнула. Хотя радовалась она рано. На улице уже стемнело.

Как такое возможно? Пять минут назад были сумерки, а сейчас хоть глаза выколи. Вика облизнула губы и с сожалением вспомнила, что не тронула их блеском. Собиралась она в магазин, торопясь. Вспомнила про «рабочие» часы Надежды, когда уже прошел заветный первый час. А оставаться без продуктов в их поселке сложновато. Особенно учитывая то, что начинается весна, снега стремительно тают, и непонятно, что принесет следующий день.

Виктория была маленькой, но помнила год, когда снега начали таять очень активно. К паводку оказались не готовы ни местные, ни службы спасения. Подтопило тогда деревню сильно. У многих пострадали дома и имущество. От страхования местные долго отмахивались, считая страховку пустой тратой времени.

Дедушка с бабушкой тоже так считали.

Пока не потеряли почти всё...

Вика вздохнула и снова огляделась по сторонам. Ей срочно нужно починить машину. Иначе она и дальше будет заложницей собственного жилища, точнее, места, где оно стоит.

Её дед был знатным плотником. Лучшим. Но, как его называли местные, бирюком. Не любил он общаться, говорил всегда только по делу. Поэтому и дом построил на отшибе, чтобы «не шастали разные».

Никто и не шастал без дела.

Дом плотника Савелия находился даже не на отшибе. А через речку, на возвышении, и когда река выходила из берегов, то затапливала мост. Как полагается в небольших деревушках, мост всегда был изношенным, и проехать по нему на машине отваживались отчаянные адреналинщики. И то, как полагала Вика, последние были года два назад. Можно, конечно, проехать и по реке... Если не опасаться, что закоротит движок.

Вика до сих пор не верила, что вернулась.

Она говорила себе, что приехала не навсегда. Что ей надо выдохнуть. Немного прийти в себя... Но почему тогда в душе поднималась тоска, и в голове всплывала старая добрая присказка, что нет ничего более постоянного, чем временное?

Снова пожившись от очередного порыва ветра, Вика бодро зашагала в сторону реки. Если девушка в темноте пройдет мост, можно будет считать, что ей крупно повезло. А если на днях не начнется паводок и её «матиз» не затопит, то повезло вдвойне.

Мост, что связывал Викин дом и выдавшую лучшие времена деревню, ремонтировали, конечно, в прошлом. Сам дед и ремонтировал. Потому что денег на мост, которым почти никто и не пользовался, у сельской администрации не было. Как поняла Вика, дедушка один раз ходил, ему отказали, мягко намекнув, что он плотник, мог бы и своими силами. Больше дедушка ни разу никуда не обращался.

И если бы не регулярные паводки, а также не проделки местной шпаны, которой нечем заняться темными вечерами без связи, кроме как устраивать на мосту

вакханалии, спиливать доски для костров, там же разводимых, и ломать ногами перерубы, то мост ещё простоял бы не одно десятилетие.

А так по нему не то что ездить – ходить опасно.

Дождь сначала мелко заморосил, и Вика в накатившем отчаянии прибавила шагу. Почему она живет так далеко? Уже минут тридцать прошло, как Вика вышла из деревни.

Было страшно, чего уж тут. Молодая девушка, одна... вечер... почти ночь... Пусть она и выросла в этих краях, но кто знает, какие теперь тут порядки. Тот, кто уезжал, автоматом прекращал быть «своим».

Да и отвыкла она от темноты, от теней, что падали от каждого дерева. От тишины...

Пять лет Вики не было дома. Пять долгих лет...

Дедушка умер сразу после её выпускного. Та же бабка Клава шептала, что, мол, выполнил старик своё предназначение – отучил внучку, можно теперь и на покой. Вика так не считала.

И дом она продать не смогла. Понимала, что разваливается, что за домом нужен присмотр.

Как знала, что вернется.

Дождь усиливался на глазах. Хлестал нещадно, заставляя Вику ускориться, едва ли не на бег перейти.

Каким чудом она преодолела мост – девушка плохо помнила. Один раз нога сорвалась в щель. Острая боль пронзила Вику. Девушка резко выдернула ногу, чувствуя, как сдирает кожу. Только этого ей не хватало. Слезы отчаяния и обиды хлынули из глаз.

Вика шмыгнула носом, прижимая к себе рюкзак с продуктами. Хорошо, что не пакет взяла. Как чувствовала, что добром поход в магазин не закончится. Надо

было до утра подождать.

Вцепившись руками в перила моста, Вика снова застонала. Ногу нестерпимо жгло. Кажется, здорово она кожу ссадила.

- Черт, - девушка не выдержала, расплакалась. Перила под рукой опасно закрипели, и Вика поспешила убрать руку.

Надо продолжить идти.

О том, как она будет жить дальше, Вика подумает завтра.

Шаг. Ещё один шаг. Главное, ногу не вывихнула и не сломала. С остальным справится.

Она же внучка Савелия Шапина...

Вика кое-как преодолела мост. Несколько раз приходилось останавливаться и в прямом смысле наощупь пробираться дальше.

Когда её ноги коснулись земли, Вика с облегчением вздохнула. Как оказалось, рано.

Потому что неподалеку от моста, рядом с ветками кустарника, что-то лежало. Кучка, которой точно не было раньше.

Вика настороженно остановилась и направила фонарик туда. Чтобы в следующий момент вскрикнуть и зажать рот рукой.

Нет... Не может быть! У неё обман зрения!

Там не может находиться ребенок...

И всё-таки это был ребенок.

Девочка.

Вика до сих пор не верила своим глазам.

Она плохо помнила, что и как делала следующий час.

Каким образом оказалась около девочки, убедилась, что та жива. И что поблизости больше никого нет.

Как пыталась привести её в чувство, но ребенок так и не пришел в себя, лишь слабо стонал.

А дождь всё усиливался... И хлестал, не щадя молодую девушку и ребенка.

Вика в голос рыдала, не понимая, что делать и как поступить дальше. Она попыталась приподнять девочку и рухнула ногами в слякоть, грязь, перемешанную с растаявшим снегом.

Последней каплей оказался неработающий телефон и мысль: «Началось...»

Скорую не вызвать. В деревню возвращаться? Но как... Она потратила почти час, чтобы добраться до моста. И столько же, если не больше, потратит снова. А у ребенка был жар. Скорее всего, и обморожение тоже.

Как девочка оказалась здесь, в глухомани? Без взрослых...

Мысль одна страшней другой кружились в голове Виктории.

И всё же она справилась. Каким-то чудом доволокла, донесла ребенка до дома бабушки и осела прямо на мокрый деревянный настил.

Ей требовалась передышка. Даже в дом зайти сил не было.

Дальнейшее происходило, как в бреду, в какой-то потусторонней реальности, к которой Вика имела непосредственное отношение.

Девушка понимала, что необходимо зайти в дом. Спрятать девочку от дождя и холода, осмотреть, в каком состоянии она находится. Оказать первую медицинскую помощь, о которой Вика имела очень слабое представление. Если бы работал инет, то было бы проще.

Вика никак не могла справиться с истерикой. У неё не получалось взять себя в руки. Когда через пять минут девушка очнулась, вынырнула из полузабытья, её взгляд упал на девочку, находящуюся без сознания. Вика, обозвав себя последними словами, кое-как встала, не обращая внимания на боль в ноге, поднялась на две ступени по крыльцу и щелкнула выключателем.

Не поменялось ровным счетом ничего.

Из-за обрушившейся непогоды отключили свет. И это в лучшем случае. В худшем – произошел обрыв линий, и электричества не будет несколько суток. Вика едва не закричала от отчаяния.

Прислонившись к стене, она досчитала до пяти, потом снова направила фонарик на девочку, спустилась к ней и, как смогла, стараясь не травмировать и так пострадавшее тело ребенка, занесла её в дом.

В доме было сухо и тепло. Котел работал исправно. Хорошо, что Вика не выключила его, уходя. А были такие мысли. Размазав слезы и грязь по лицу, девушка продолжила действовать.

Первым делом нашла свечи. Они ещё остались со времен дедушки. Тот запасливый был, да и, прожив в данной местности всю жизнь, отлично знал, что в любой момент может остаться без благ цивилизации. В подполе всегда имелся запас мясных консервов и овощных маринадов.

Трясущимися руками Вика зажгла сразу несколько свечей. Расставила их по комнате, чтобы не перетаскивать с места на место. И поспешила к девочке, сжав зубы до неприятного скрежета. Боль в ноге усиливалась от каждого шага, но сначала ребенок...

Вика ничего не понимала в медицине, её пугал вид крови, хотя дедушка был не только отменным плотником. Охотой он тоже баловался. Правда, после того, как внучку несколько раз вывернуло наизнанку от вида и запаха свежего мяса, он разделывал туши сам. Сам и консервировал.

У девочки была высокая температура. Вика раздела её, налила теплой водички и начала обтирать, лихорадочно вспоминая, какие лекарства у неё с собой. Обезболивающее точно есть. А вот жаропонижающие, кажется, закончились, потому что она помнила мысль, что надо их прикупить.

Девочка оказалась маленькой. Лет пяти. Худенькой и пораненной. На всем тельце виднелись синяки, и это Вика смогла их рассмотреть при слабом освещении. Что же она увидит, когда дадут свет?

Заметила и следы от веревок на тонюсеньких кистях...

- Господи...

Девочку держали связанной - вывод напрашивался сам. Но кто?.. Следующая мысль тоже напрашивалась сама: малышку, скорее всего, похитили.

И вот тогда Вике стало по-настоящему страшно.

Она обмыла ребенка в очередной раз и опустилась на пол рядом с диваном, на котором лежала девочка. До себя Вика так и не добралась. Не было сил.

Слезы то и дело текли из глаз девушки, она жалобно всхлипывала, не понимая, что делать.

Но понимая другое.

Она влипла.

По-крупному.

Сразу вспомнились и слова бабуши Клавдии. А если взять и предположить, что старая женщина ничего не придумывала и по их району на самом деле

разъезжали чужаки? Искали... ребенка? Каким-то чудом сбежавшего из заточения?

Вику затрясло, зубы ударились друг о друга.

Но ведь может быть и другой сценарий. Более положительный. Может, те мужчины, которых видела баба Клава, люди родителей девочки? Такое может быть? Конечно!

Как ни пыталась себя успокоить Вика, получалось плохо.

Она не знала, сколько времени провела на полу. В очередной раз заставила себя встать и осмотреть девочку. Снова налить чистой воды, проверить, не включили ли свет, и снова обтереть малышку.

Вика постоянно проверяла пульс девочки. Она больше всего опасалась, что малышка умрет, не дождавшись помощи. Вика не знала, что будет утром, но надеялась, что решение придет.

Не помнила и то, как уснула прямо на полу, положив голову на край дивана. Отойти от девочки Вика не решилась – не могла оставить малышку одну. Сердце разрывалось от переживаний. Где-то посередине ночи Вика вспомнила про собственную ногу. Её тоже промыть не помешало бы.

И штаны было жалко...

Навряд ли в ближайшее время она сможет себе купить новые.

Прикрыв глаза, Вика провалилась в сон.

Правильно люди говорят: утро вечера мудренее. Дождь продолжал нещадно молотить по крыше дома, выдавая грубую и в чем-то жесткую мелодию.

Девушка не знала, сколько проспала. Ей казалось, что она только-только провалилась в забытие.

Проснулась она от странного света, бьющего прямо в глаза.

В первые секунды в полусонном сознании Вики мелькнула мысль, что, наконец-то, врубили свет. И через секунду пришло понимание, что ничего подобного не произошло.

Свет шел с улицы.

Яркий и раздражающий. Вызывающий желание укрыться.

Вика вскочила, наступив на больную ногу, приглушенно ахнула. Метнув взгляд в сторону девочки, укрытой тонким покрывалом, не заметив, как за прошедшие часы свечи почти догорели, Вика, хромая, бросилась в кладовку. Там у бабушки находился сейф, код к которому она знала. И двустволка с патронами.

Они были...

Вика проверяла...

Вчера утром.

С бешено колотящимся, казалось, ударяющимся о ребра сердцем, девушка, не чувствуя ног, не замечая ничего вокруг, спотыкаясь о мебель и инвентарь, бросилась в кладовку.

Ещё вчера она совершила несколько правонарушений.

У неё не было охотничьего билета, то есть она не имела права владеть оружием. Оружие принадлежало бабушке. И участковый, помнится, интересовался им. Тогда Вика прикинулась дурочкой и сказала, что не понимает, о чем идет речь. Участковый раздраженно махнул рукой. С мелкой пигалицей, уматывающей в город, разбираться ему недосуг. А потом и забылось.

По закону двустволка должна храниться в сейфе. Вика знала. Но если уж она хранилась у неё в доме, к черту законы. Так же вчера она не поставила её в сейф. Покрутила в руках, вскинула, прицелилась в невидимую цель, вспомнила фильмы, где к одиноким девушкам наведывались нежеланные гости, и поставила к стене.

Заряженную.

Гости к Вике всё же пожаловали.

И она не собиралась встречать их с пустыми руками.

* * *

Вика не ошиблась: к дому деда Савелия подъехало несколько внушительных внедорожников, больше напоминающих танки.

Как они проехали по реке? Не через мост же... И не вброд.

Или?..

Она не знала. Паника продолжала накрывать девушку.

Но и сидеть в доме, прячась от надвигающейся неизвестности, граничащей с опасностью, смысла не было.

Дед всегда говорил, что человек, раз научившийся стрелять, навык не потеряет.

И учил Вику... Она стреляла по мишеням, напрочь отказываясь идти на охоту и убивать живых существ.

Сейчас же девушка планировала наставить дуло на человека...

Происходящее все больше напоминало дурной сон. Вязкий, липкий, холодный и до дрожи пугающий. Из которого вынырнуть бы, очнуться, пойти на кухню, шлепая босиком по деревянному настилу, сварить кофе, открыть ноутбук и просмотреть бы новости.

Боль в ноге отрезвляюще напомнила, что проснулась Вика пять минут назад.

Шум двигателей нескольких машин был ярок и пугающе грозен. Девушка, преодолевая страх, помня, что у неё в доме находится беззащитный ребенок, вышла на крыльцо.

Единственный плюс в том безумии, что разворачивался вокруг дома на окраине, был закончившийся дождь и то, что где-то далеко за горизонтом зарделся восход. Медленно, лениво и неспешно.

Свет фар ослеплял. Но стоило девушке появиться на крыльце, как по некому распоряжению дальний свет переключили на ближний, и Вика увидела ИХ.

Тех, от которых «пахло кровищей».

Мужчин было много. Вика не смогла сразу сосчитать. Умом понимала, что на четырех машинах могут приехать максимум двадцать человек. Двадцать же, правильно? Голова соображала плохо, девушка действовала на голых инстинктах.

И главным из которых оказался не инстинкт самосохранения.

Защитить маленькую девочку. Не дать её в обиду.

Вот что набатом звучало в висках Вики.

Она не думала о том, что будет потом... Что будет с ней... Как она сможет противостоять взрослым обученным мужчинам... А то, что к её дому подъехали именно такие, сомневаться не приходилось.

Права была баба Клава: волки в человеческом обличье пожаловали в их деревушку.

Через затуманившую глаза поволоку, мешающую воспринимать реальность такой, какая она есть, в рассеивающемся свете фар Вике удалось выхватить и военную выправку людей в черном, и то, что все высокие и подтянутые.

Кто-то стоял у машины, кто-то как раз выпрыгивал...

И у многих было оружие... Направленное на неё.

- Не стрелять.

Холодный, без ножа режущий голос взорвал утреннюю тишину.

Перекрыл работающие моторы...

И прошелся наждачкой по воспаленной коже Вики.

Говоривший мужчина привык отдавать приказы. Он знал, что ему беспрекословно подчинятся. По крайней мере, те, кто с ним приехал.

Вика и не думала опускать двустволку. Она стояла в тени, с глупой надеждой, что если вдруг... что-то пойдет не так... она сможет нырнуть в дом или спрятаться за дверь. Надежда, и правда, была глупой, потому что даже Вика, плохо разбирающаяся в оружии, видела, что у мужчин оно серьезное. И, кажется, даже автоматы были...

Горло свело спазмом.

Но руки у неё не дрожали.

И не дрогнут, если придется выстрелить.

Тот, кто у них был за главного, вышел вперед.

Он же и говорил, отдал короткий, пробирающий до холода приказ.

В одежде мужчина ничем не отличался от других. Взгляд Вики выцепил картинку в целом. Черная без опознавательных знаков униформа, такие же черные высокие берцы. Лишь на голове у него не было шапки, как у некоторых других.

Ещё он был высоким. Под метр восемьдесят точно. И плечистым. Ни намёка на сутулость. Скорее, военная выправка. А может, и нет... Мысли Вики метались,

точно потревоженные птицы. Бились в голове, ища выход, которого не было.

Ни при каком раскладе...

Мужчина уверенно двигался в её сторону. Шаг за шагом сокращал расстояние. А Вика понятия не имела, кем он был, но, даже стоя на верхней платформе крыльца, возвышаясь над ним, у девушки не возникло и тени сомнений, что перед ней не простой служивый.

От мужчины шла сумасшедшая, сбивающая с ног энергетика. Каждое движение говорило о том, что он хозяин положения. Что лучше у него на пути не вставать...

Она встала...

Вика не могла рассмотреть его лица.

Что-то жесткое... Суровое... С тонкой линией поджатого рта и квадратным подбородком...

– Ружье отпусти.

Таким же холодным, непримиримым, не терпящим возражений и сопротивления тоном сказал мужчина.

Его слова относились к ней.

Кровь вскипела в жилах Вики.

Если бы девушка провела более спокойную ночь, не накрутила бы себя до невероятных высот, если бы боль в ноге не беспокоила всё сильнее, то Вика не сместила бы двустволку.

И не выстрелила бы.

* * *

Выстрел оглушил прежде всего Вику.

И осознание того, что она нажала на курок, хлестнуло по каждому миллиметру тела, взорвалось в мозгу оглушающим фейерверком, в эпицентре которого она оказалась.

От удивления у Вики безвольно приоткрылся рот.

Она только что выстрелила не по мишени... А в живого человека.

Нет-нет... Ему в ноги... Она стреляла в землю и точно знала, что до берцев сантиметров двадцать.

Она не могла промахнуться.

Послышались вскрики, мат.

И снова среди начинающейся вакханалии фоном, перекрывающим все, раздалось негромкое:

– Охренела?

Наверное, в другой раз Вика согласилась бы.

Она только успела отметить, что не промахнулась, что комья грязи, взметнувшиеся кверху, свидетельствовали о том, что она попала именно туда, куда целилась. Смазано увидела, как мужчина поднял кверху руку и куда-то махнул пальцем.

Дальше – боль в области шеи и темнота.

* * *

Вика приходила в себя с трудом. Тупая боль медленно отступала, а холод проникал в сознание.

Она кое-как разлепила глаза и первое, что увидела, – суровое лицо с неаккуратно отросшей бородой и задранный на лоб балаклавой.

– Очнулась, героиня? Эй, ну-ка, на меня посмотри.

Мужчина щелкнул перед её лицом пальцами, привлекая внимание.

– Давай-давай, приходи в себя и поднимайся. Нечего задницей на полу сидеть, застудишь ещё себе там всё.

Вика снова несколько раз моргнула, не понимая, кто этот человек и почему так холодно.

Реальность, как часто бывает, обрушилась разом, придавив бетонной плитой.

Ночь... Девочка... Мужчины с оружием... И их главный... Безопасник, наверное, или, правильнее, начальник охраны...

Господи, во что она влипла?

Вика мотнула головой, сморщилась от боли и осмотрелась. Двустволки поблизости не было. Убрали, гады. Лишь бы не выкинули! Память от дедушки, для Вики двустволка была очень дорога.

– Кто... вы? – выдохнула она, начиная вставать, упираясь спиной в стену крыльца.

Мужчина несильно ударил руками по коленям и ловко поднялся.

– Правда, интересно?

Вика снова огляделась по сторонам. Мужчины в черной униформе никуда не исчезли, но выглядели куда расслабленнее. И оружием больше никто не махал. Всё крыльцо было заляпано ошметками грязи и следами от больших ботинок.

Зубы Вики запоздало выдали нервную дрожь, и девушка обхватила себя руками. Час ранний, на улице холодно, а она вылетела из дома в одной водолазке. Её зазнобило. И непонятно, от чего сильнее: от промозглого не то весеннего, не то ещё зимнего утра или от страха, который всё сильнее накрывал Вику.

Она одна. Можно сказать, в лесу. В окружении недружелюбно настроенных, вооруженных людей.

Мужчина приглушенно выругался, оглядывая её с ног до головы.

- Ты откуда такая взялась-то, пигалица?

Вика покачала головой.

- А вы? - на чистом упрямстве выдали её губы.

Она снова оглядела двор.

Из одного «монстра» с заднего сиденья спрыгнул мужчина, и в груди Вики зажгло. Несмотря на растерянность, на полную дезориентированность и оглушающее чувство потери, саднящую, раздирающую боль внутри от осознания, что она неудачница, что не смогла защитить девочку или, по крайней мере, здраво поговорить, узнать, кто эти мужчины и с какой целью они пожаловали к ней в беспросветную рань.

Может, и зря она схватилась за ружье...

Даже не может, а, скорее всего, зря.

Если бы они были похитителями девочки и хотели ей зла, то с Викторией тем более не церемонились бы. И она не отделалась бы вырубанием. Её бы ликвидировали без сожаления.

От осознания того, что она ходила по грани, Вика сильнее сжала плечи.

Тем временем безопасник, вышедший из машины, направился к крыльцу.

И каждый его чеканный шаг отдавался набатом в голове девушки.

От мужчины не просто веяло опасностью. Он нес её разворотом плеч, своей высокой статной фигурой. Наверное, бывший военный... Вика хотела бы на него не смотреть, и не могла.

Ощущение, что сейчас, в эти роковые минуты, он вышел из машины по её душу, усилилось. Засело в ней и не отпускало, наматывая и так расшатанные нервы на невидимый тягач.

Мужчина выделялся среди других. Этот факт Вика сразу отметила.

Зачем... Зачем она, дура, в него стреляла? Решила напугать... Такого?

Такого приставленным ко лбу пистолетом не испугаешь.

Бывает, встречаешь человека, и инстинкты обостряются до предела. Просыпаются и кричат: беги! Не думай даже задерживать на нем взгляда, не смей разговаривать. Будет только хуже... Возможно, не сейчас и не здесь, но потом. Сто процентов.

Вика не могла рассмотреть его лица. Никак не удавалось. То тень падала на него, то свет от фар.

Да и хотела ли она – вот в чем вопрос.

Происходящее безумие и сумасшествие затягивались. Стук собственного сердца оглушал. Ещё Вику беспокоил вопрос: что с девочкой? Пришла ли она в себя? Все ли хорошо?

Безопасник остановился, не доходя до крыльца, и посмотрел на Вику.

Та отвела взгляд в сторону. К черту... Не будет она на него смотреть. Пусть садятся в свои тонированные «танки» и проваливают, а она...

Вика дотронулась до виска, поморщилась. И снова зачем-то повернула голову в сторону незнакомца.

Тот, расставив ноги на ширине плеч, смотрел на неё.

Вся его поза несла собой непримиримую угрозу.

- В машину её.

- Что?.. - ошалело выдохнула Вика.

Глава 3

- Не сопротивляйся. Будет хуже, - сказал тот мужчина, который стоял рядом с ней на крыльце, после чего подошел к ней, отлепил от стены и подтолкнул в сторону крыльца.

Это дурной сон... дурной...

Как бы Виктория себе ни внушала подобные мысли, не помогало.

Последующее она плохо помнила.

Её затолкали в машину. Не совсем аккуратно, но и не критично грубо. Когда девушка начала яростно сопротивляться, её тряханули за плечи и зло прошипели в лицо:

- Дура, снова хочешь в бессознанку? Валгар всё равно тебя увезет, поняла?

Нет, она ничего не поняла.

И не хотела.

Было больно и безумно страшно.

Вика забила на заднем сиденье дорогого внедорожника, пахнувшего внутри кожей и можжевельником. Она плохо соображала, до конца не признавая, что её похитили.

Нет... Зачем? Кому она нужна? Скорее всего, с ней хотят поговорить. Узнать, как она нашла девочку, как заботилась о ней. И только.

Надо успокоиться и не накручивать себя дальше.

Хватит, накрутила уже.

Вика не истерила, не кидалась на мужчин с кулаками. Она сидела посередине, зажата двумя молчаливыми бойцами. Они поговорят с ней и отпустят. Всё.

Никому она не сдалась.

Вика не помнила, ни как они миновали чертов мост или реку, не видела точно, куда они едут. За плотно тонированными стеклами разобрать что-либо не представлялось возможным. Вика и не пыталась. Смысл? Хорошо, что на лицо не накинули мешок. Или не вырубил снов.

Место, куда её ударили по шее, болело. Нога тоже продолжила ныть. Вчера Вика её кое-как всё же промыла и обработала перекисью.

Мужчины переговаривались между собой лаконично и только по делу.

Где-то через час Вика попросила:

– Можно мне воды?

Во рту пересохло.

Бутылку ей предоставили молча.

Никаких вопросов или насмешек в сторону Вики не последовало.

Ехали долго. Чем дольше проходило времени, тем сильнее нервничала девушка. Спрашивать, куда они едут, не имело смысла.

Как она снова умудрилась вляпаться в историю? Это же абсурд... Кому расскажешь – не поверят. Из огня да в полымя.

В какой-то момент Вика, не выдержав напряжения, откинулась на подголовник, прикрыла глаза. Будь, что будет. От неё мало, что зависит. Она, конечно, надеялась на благополучный исход. Что её немного потреплют морально и отпустят. Она никому ничего не сделала плохого!

Ни в прошлом, ни сегодня.

А выстрел... Он не считается.

Правда же?

Как бы Вика ни хорохорилась, ни пыталась говорить себе, что с ней всё будет хорошо, страх накрывал волнами.

А они всё ехали и ехали. Девушка не поняла, как уснула. Ей снились родители, то забытое чувство спокойствия, какое свойственно только в детстве.

Разбудили её легким потряхиванием за плечо.

– Просыпаемся, – суховатый бесцветный голос ворвался в сознание Виктории. Та проснулась и заморгала. – Выходим аккуратнее. И накинь вот.

Ей протянули плед, за который она молча кивнула.

Разгуливать в водолазке – сомнительное удовольствие.

Вика не вертела головой по сторонам, не пыталась запомнить какие-то особенности места, куда её привезли. Что бросилось в глаза, так это большая, если не сказать огромная, территория с посаженными по периметру ухоженными деревьями. Имелось несколько беседок, открытый бассейн, кстати, наполненный водой, и ещё строения, не считая большого главного дома, к

которому её и вели.

Безопасник нес на руках девочку. Та прильнула к нему, обвив тонкими ручками мощную шею.

Вика облегченно выдохнула. Слава Богу, малышка пришла в себя.

– Идем, не стоим.

Рядом с Викторией снова появился тот бородатый мужчина, который с ней разговаривал на крыльце. И который, скорее всего, её и вырубал ударом в шею. Место удара до сих пор неприятно ныло. Вика не удивится, если к вечеру или к завтрашнему утру обнаружит там приличного размера гематому.

Девушка старалась думать, о чем угодно, только не о том, что происходит вокруг. Пока с ней обращались довольно терпимо. Не шпыняли, не толкали в спину, не обещали четвертовать или пустить по рукам. Ей глаза даже не завязали.

А вот последнее... Вика не была уверена, что это хорошо.

К особняку вела широкая дорожка, выложенная брусчаткой. Бывшая идеально чистой ровно до того момента, пока по ней не прошли солдатские берцы.

Виктору провели в дом. Потом по коридору дальше. Девушка шла, не задавая вопросов. Придет время, и ей всё расскажут.

Но страх сильнее закручивался внутри, стягивал мышцы, леденя душу. С чего она, идиотка, решила, что с ней будет всё хорошо? Те, что пришли за малышкой, не скрывали лиц. Может, им проще разделаться с Викторией тут, на своей территории? А потом вывезти тело в лес и прикопать?

Каких только страшилок себе не надумала девушка.

Перед ней открыли дверь.

– Посидишь пока здесь.

Вика почти незаметно кивнула и вошла.

Прямо как овца на заклание.

Когда за девушкой закрыли дверь, она вздрогнула и тотчас охватила плечи руками. Зажмурилась с такой силой, что перед глазами замелькали черные точки.

Надо было сопротивляться до конца...

Вика стояла и стояла. Не делала ни шагу назад, ни вперед. На неё нашло оцепенение.

Она не хотела открывать глаза, она не хотела ничего знать и видеть.

Хотелось отмотать время и вернуться во вчерашний день. Если бы девушка знала, чем кончится её поход в магазин, то осталась бы дома. Носа не высунула бы! Стоило дойти до этой мысли, как яростный протест колыхнулся в груди.

Тогда она не нашла бы девочку, и, возможно, та умерла бы... Попросту замерзла.

Вика, вспомнив, как прижимала к себе хрупкое тельце, выдохнула и открыла глаза.

В комнате была лишь одна кровать. И стул. Светлые крашенные стены, небольшое окно с решеткой.

Вот тебе и «поговорят». Вот тебе и отпустят. Её заперли в комнате с решеткой, как какую-то преступницу!

Чтобы не закричать от накатившего ужаса, Вика прикусила до крови губу и прошла к кровати. Села и начала раскачиваться из стороны в сторону.

По ощущениям девушки, прошло немного времени, прежде чем послышался звук открывающейся двери. Вика вскинула голову кверху и повернулась к входящим.

Их было двое.

Безопасник и ещё один мужчина, которого она не видела или не помнила.

Первым в комнату вошел безопасник.

Входил он уверенно, по-военному четко. Вика отчего-то опасалась смотреть ему в лицо, поэтому снова её взгляд опустился к обуви мужчины.

Все те же грязные берцы...

Черные штаны... Длинные ноги... Крепкий торс.

Мужчина переоделся. Точнее, скинул с себя лишнее. Потому что сейчас на нем вместо куртки была лишь черная футболка, плотно сидевшая на натренированном крепком теле.

Если бы Вика могла, она не поднимала бы глаза выше. Не смотреть в лицо хищнику в её случае куда как безопаснее. То, что перед ней «двуногий» хищник, сомневаться не приходилось. В груди у девушки зажгло. Тревога не просто пробралась к сердцу, она поглотила её с головой. Умом Вика понимала, что ни в чем не виновата, что происходящее касается её лишь косвенно, тогда почему ей хотелось залезть, как в детстве, под кровать и не высовываться до тех пор, пока угроза не стихнет?

Вика заставила себя посмотреть выше. В лицо мужчины.

И сразу же горло свело от легкого спазма. Вроде бы ничего сверхъестественного Вика не увидела. Обычное мужское лицо, и в тоже время ничего обычного в нем не было.

Жесткое. Высокие, «острые» скулы, глубоко посаженные глаза, обрамленные длинными ресницами, которым позавидовала бы любая девушка. Широкий лоб с кустистыми бровями. Нос с горбинкой, придававший лицу суровость. Губы довольно полные, наверняка умеющие даже улыбаться, а не только отдавать приказы. В глаза ему Вика опасалась смотреть. Её взгляд метнулся вбок и остановился на посеребренных висках.

Мужчина ей не то что не понравился. Подобное определение было неуместно.

Вика знала другое: она предпочла бы держаться от него подальше. И никогда, ни при каких обстоятельствах с ним не встречаться.

Именно этот мужчина «нес» для неё опасность. Можно сколько угодно смеяться над интуицией, говорить, что предчувствия – не более, чем нелепицы, но именно такие пугающие, едва ли не мистические ощущения девушка испытывала, в очередной раз пытаясь рассмотреть безопасника.

Вика выросла в небольшой деревне, где ещё недавно их предки верили в разного рода мистические предчувствия.

– Встань, – глухо распорядился безопасник.

Второй стоял чуть поодаль и, хмурясь, молчал.

Вика осторожно начала подниматься, не доверяя своим ногам.

– Послушайте... – начала она, желая, как можно скорее объясниться.

– Лицом к стене. Руки на уровне лица, – грубо оборвав её потуги, продолжил мужчина.

Он говорил негромко. Не повышал голоса, не кричал. И со стороны можно было подумать, что он что-то объясняет девушке.

Если бы не смысл озвучиваемых слов.

По спине Вики прокатился холодок. Дыхание застряло в горле. Она, конечно же, смотрела боевики, где отдавались такие распоряжения. Но и в страшном сне не могла представить, что ей придется столкнуться с ситуацией, где незнакомый, явно недружелюбно настроенный мужчина будет говорить ей нечто подобное.

Чисто на инерции Вика покачала головой.

– Я...

– Жи-иво.

Он снова не повысил голос, хватило того, что единственное слово мужчина выплюнул сквозь плотно сжатые губы.

Господи...

Вика, стараясь уже просто дышать и ни о чем не думать, подчинилась. Соппротивление оказывать бесполезно. Она одна, в чужом доме. Ничего не знает и не понимает. Надо, возможно, немного выждать и тогда предпринять ещё одну попытку поговорить, объясниться, а ещё лучше встретиться с родными девочки.

Почему-то ей хотелось думать, что девочка в безопасности и находится в родном доме.

Захлебываясь от страха и унижения, плохо владея собственным телом, Вика, кое-как волоча больную ногу, обошла кровать и встала к стене.

Лишь бы не смотреть на безопасника...

Наверное, он делает всё в рамках работы. Хотя, с другой стороны, какая, к черту, работа и регламент? Она сейчас серьезно?! Сдурела? Она пытается оправдать свою слабость? Только для чего?

Вика уперлась руками в прохладную стену и повела ими выше. Ровно до лица.

Как и было сказано.

На мужчин не смотрела...

Вика никогда не была отчаянно смелой, дерзкой. Обижать себя кому попало не позволяла, но иногда и не могла дать сдачи. Она была совершенно обычной девчонкой. Не подготовленной ни физически, ни морально.

Надо было дедушку слушать... И перенимать его навыки. Запоздалое осознание ничего не дает Виктории.

Девушка уперла взгляд в стену. Хватит с неё гляделок. Главное сейчас – не сглупить ещё больше. Хватит и того, что она отчудила с оружием.

Но что бы Вика себе ни говорила, у неё все внутренности обрывались внутри, когда она боковым зрением всё же видела, как безопасник с посеребрёнными висками направляется к ней. Сколько ему? Лет тридцать пять-тридцать семь. Прилично старше её.

И комплекцией тоже... Она рядом с ним пигалица.

Вика пыталась думать о чем угодно, только не о том, что сейчас с ней будут делать.

Осматривать.

Её предположения оказались верны.

Мужчина в черном остановился за её спиной, вызывая желание опуститься на корточки, зажать голову ладонями и сделать вид, что она никто и зовут её никак, что она пустое место.

Вика, как и многие другие люди, не любила, когда кто-то стоял за спиной. Беззащитность мгновенно захлестывала. Девушка не могла знать, что делает стоящий позади.

Первое впечатление – запах мужчины. Горький и терпкий одновременно, с привкусом крови и пороха. Последние запахи были хорошо известны Виктории, и они внушали первобытный ужас.

Она невольно опустила голову вниз и задышала чаще. Только спокойствие... Никаких истерик, срывов, скандалов. Как ни уговаривала себя Вика сохранять спокойствие, время играло против неё.

– Ноги... – голос мужчины прозвучал сипло. – Шире.

Пока мозг Вики обрабатывал информацию, безопасник предпочел действовать. Его армейский ботинок сначала прошелся по одной её стопе с внутренней стороны, показывая, что терпение на исходе. Потом по второй. Этот жест Виктория тоже видела в фильмах. Судорожно всхлипнув, ненавидя себя за слабость и страх, что смерчем закручивался в душе, девушка поспешно переступила, расставляя ноги. Из-за быстрого движения потревоженная рана снова противно заныла. Вика с такой силой сжала зубы, что в висках неприятно отдалось.

Мужчина стоял максимально близко к ней. Вика готова была поклясться, что если она качнется, то окажется прижатой к его груди и бедрам.

Он тенью нависал над ней...

Напряжение в комнате становилось осязаемым. Второй мужчина по-прежнему стоял.

Когда руки первого коснулись её плеч, Вика вздрогнула, ещё ниже опустила голову, отмечая, как по позвоночнику прокатилась капля пота. Сопrotивляться девушка не собиралась. Ни в коем случае. Пусть осматривают её, и они двинутся дальше.

Подумать оказалось куда легче, чем сделать.

Властное прикосновение взвинтило нервы до невидимых высот. Ей ощупали плечи, руки и дальше – к груди. Вика ахнула, дернулась и мгновенно услышала гневное рычание:

– Тихо.

Безопасник обладал удивительной способностью голосом показывать десяток эмоций, одна неутешительней второй. Он разозлился. Только почему? Она же делала всё, как он велел!

Вика снова отпрянула вперед, едва ли не впечатываясь головой в стену. Соприкасаться с безопасником у неё не было никакого желания. Возможно, для кого-то он и был опорой, надежным спутником, любовником, «каменной стеной»,

для неё же – физической угрозой, перед которой девушка тушевалась.

– Не трогайте...

– Помолчи. Вот сейчас точно помолчи.

Большие ладони сначала прошлись по груди, сжав их спереди и сбоку, а потом бесцеремонно задрали водолазку и прикоснулись к обнаженной коже. От унижения и злости на глазах девушки выступили слезы. Это какой-то абсурд! Не может незнакомый мужчина лапать её!

Мужские пальцы беспринципно залезли под кружево бюста, ощупывая и одновременно задевая соски. Вику затрясло. Она уже не понимала, что происходит! Где-то на задворках сознания промелькнула мысль, что её детально осматривают на предмет жучков или ещё какой-то шпионской ебурды. Но откуда у неё жучки?! И для чего...

– У меня ничего нет, – быстро пискнула она.

Но её никто не слушал.

Чужие руки, вызывающие потребность как можно скорее стряхнуть их с себя, пошли дальше. Спустились к бедрам...

Вика до крови закусила губу. Если сейчас он залезет к ней в трусы...

Мужчина прошелся по её бедрам, присел на корточки и приглушенно выругался. Его рука остановилась под коленом, рядом с тем местом, где она саданула кожу.

– Разувайся.

Вика, у которой сердце бешено колотилось, то и дело намереваясь выпрыгнуть из груди и покатиться по холодному полу, без лишних слов поторопилась выполнить очередной приказ. Всё что угодно, лишь бы поскорее закончился унижительный осмотр, который она вряд ли когда-то забудет! Щеки горели огнем, полуобнаженная грудь тоже пылала, точно с неё содрали кожу.

Обувь Вика кое-как скинула и зажмурилась, не понимая, что будет дальше.

– Носки тоже снимай.

Черт...

И как это сделать, если безопасник продолжил сидеть на корточках?!

О том, что его лицо находилось где-то в области её ягодиц, Вика предпочла не думать.

Действовала девушка быстро. Носки на ней были не первой свежести! Вот пусть и насладится этот ублюдок амбре в полной мере.

Вика, одной рукой продолжая упираться в стену, сняла первый носок, кинула его на пол, потом второй. Посмотрев на босые ступни, девушка с удивлением и досадой отметила следы от размазанной крови. Значит, рану вчера обработала недостаточно хорошо.

Пока проделывала манипуляции с носками, мужчина выпрямился. Но не сделал ни шагу назад, и Вике пришлось постараться, чтобы не соприкоснуться с ним. Внутренняя дрожь усиливалась, казалось, ещё секунда-вторая, и Викторю заколотит по-настоящему, зубы начнут выбивать «чечётку».

Пол был холодным, и девушка интуитивно поджала пальчики, упрямо продолжая смотреть вниз.

За спиной возникло тягостное молчание, которое не нравилось Вике все больше. Оно резало без ножа. Что с ней ещё не так?!..

– Булат Маратович, – заговорил второй мужчина, и Вика внутренне сжалась. Она бы предпочла не знать имени «надсмотрщика», – её бы ещё вагинально... Ну, и анально посмотреть. Они сейчас куда только чипы не пихают.

Девчонка дернулась, резко обернувшись.

Булата сразу же накрыло ещё сильнее...

Хотя, казалось, куда...

Её глазищи. Темно-синие, почти фиолетовые.

Дьявольские какие-то. Как бы сказали в старину: колдовские. И такие огромные.

Сейчас смотрящие на него...

Булат, не шелохнувшись, продолжал стоять и ловить эмоции девочки.

На её лице по-прежнему откровенно считывался страх. После слов Михея появилась ещё и настоящая животная паника.

То, что Михей прав, даже не обсуждалось. Девчонку надо осмотреть более детально, её красивая мордашка и эмоции не гарантируют того, что она не окажется «подсадной». Сейчас многие молодые красоточки отлично овладели актерским мастерством. И если эта играла, то играла мастерски.

Было и другое. Можно и не обучать девочку, страх может быть самый что ни на есть настоящий. На это и расчет. Что эмоции считываются с лица, и невольно ведешься, веришь.

Её могли заставить. Принудить. Такое тоже нельзя исключать.

Надо проверить все возможные и невозможные варианты и исключить риск.

Но чего стоят одни её глаза! Идеально красивые. Проваливаешься в них, как в чертовы омуты.

Валгаров не сдвинулся с места, продолжая давить на девчонку своей близостью.

Ему надо успокоиться! И ему надо узнать правду! Иначе... Херово будет всем.

Он постарается.

Потому что ему уже хреново так, что хоть волком вой. И тугой узел в груди затягивается только всё сильнее и сильнее.

А ведь Мирон предупреждал. Говорил. Скиф не успел собрать доказательства, слов Булату показалось мало. За что и поплатился двумя сутками кромешного ада, куда его затянул тот, кому он доверял.

Предатель жил под его крышей годами. И сливал информацию...

Когда же понял, что на него вышли, что запахло жареным, и тот, кто исправно платил за «слив», тоже ушел в отказную, смалодушничал. Испугался и пошел на беспредел – похитил Эльвиру. Девочку, которая тоже ему доверяла.

Булата до сих пор кислотой разъедало от мысли, что пережила дочь.

Он найдет всех, причастных к похищению...

Всех.

Кто помогал, кто нечаянно способствовал.

И никакие колдовские глаза не помогут!

Валгаров давил в себе зверя, который жил в каждом нормальном мужике. Иначе... Разнесет всё. Ему надо собраться... А по-хорошему – ему надо к дочери! С Элей сейчас Иван Игнатьевич, семейный доктор, он присматривает за ней, обследует. Его Игнатьевич попросил выйти, Эля тоже срывалась на эмоции, тянулась к отцу и мешала осмотру.

Осмотреть её надо. Температура могла быть началом вереницы заболеваний.

У Булата челюсть сводило от мысли, что дочка страдала по его глупости! Из-за того, что он оказался самоуверенным ублюдком и решил, что собрал вокруг себя достаточно верных людей! Выкуси, Валгаров! Правильно отец говорил, что при их бабле никому, абсолютно никому в этом мире доверять нельзя. Что всегда найдутся те, кто позарится на их активы и пожелает оттяпать для себя лакомый кусок. Всё не отберут, но рано или поздно кто-то попробует.

Ему предстоит разобраться и с хорошими знакомыми...

Всё потом. Завтра. Или послезавтра.

Пока же он какого-то черта стоит в комнате для гостей и дышит, давит на незнакомку, что, мать его, пальнула ему в ноги!

Случайность? Или намеренная демонстрация?

Перед глазами Булата до сих пор стояла картина, как в предрассветной дымке из дома выходит молодая миниатюрная девушка с двустволкой.

Невысокая, с виду хрупкая.

Держащая оружие правильно, как учат охотники. Булату когда-то тоже об этом рассказывали, и час назад, увидев девчонку, в голове всплыла информация. Рука согнута в запястье, и что-то ему подсказало, что кисть и пальцы в вертикале составляют те самые семнадцать градусов, а в горизонтали – двенадцать, что обеспечивает максимальную свободу для манёвров.

Девчонка подтвердила, что всё правильно он подумал. Что не ошибся.

Когда она пальнула, то выругался матом не только Булат.

Это потом слышались от парней восхищенные комментарии, приглушенные, чтобы уже от Валгарова не прилетело.

И каждый, сука, кто был с ним перед тем покосившимся домом, отчетливо понял, что девчонка не промазала!

Она попала туда, куда целилась.

Ему в ноги, точно рассчитав траекторию.

Булат тоже восхитился на долю секунды... А потом пришла дикая ярость, граничащая с желанием убивать и крушить. Причем убивать собственными руками. Делать больно методично и долго.

Савелий к тому моменту уже стоял за спиной девчонки и ждал лишь указания от Булата. Тот его и дал. Убирать девчонку он не стал. Надо сначала узнать, кто она такая и какую роль играла в похищении Эли.

Да и в целом...

Что-то было не так.

Даже сейчас.

Его восприятие... этой девочки... Он дышал ей. Смотрел и смотрел. Изучал. Каждую деталь. Каждую черту.

После того, как Эля оказалась у него на руках, он вышел из машины и направился к незнакомке. Та успела прийти в себя и сидела напротив Савелия, который тоже с интересом изучал её. Валгарова торкнуло. Он, увидев эту сцену, точно на невидимую стену натолкнулся. Причем со всей дури.

Молодая девушка, привалившаяся к стене старого дома, и его боец.

И зачем-то в голове не вовремя всплывшая мысль, что Савелий недавно развелся.

Булат остановился, принимая решение.

Сначала он заберет девчонку, поговорит с пристрастием, а дальше посмотрит.

Ну вот сейчас посмотрел, что толку?

Вместо того чтобы действовать по давно отлаженному плану, без лишнего сюсюканья, Булат не мог отвести взгляда от её фиолетовых глаз. Они реальны?! Такие глаза...

То, как он на неё реагировал, – уже плохо. У него наблюдался конкретный передоз от вброшенного в кровь адреналина. Иначе, по-другому и не объяснишь, почему он ведет себя, как последний идиот, и принимает нерациональные решения.

Мирон уже приземлился в аэропорту. Всё-таки парень сорвался, не догулял медовый месяц с Лидой. Валгаров лично купил тур и отправил безопасника с женой на Бали. Оказалось, не вовремя. Военные навыки Скифа ему быгодились. Хотя... Тут и так всё ясно.

Кто и зачем.

В груди мужчины снова зажгло от чувства вины. Если с Элей что-то будет не так...

– Нет, – негромкий женский голос забрал на себя внимание. Как будто мало глаз...

Девочка смертельно побледнела и теперь едва стояла.

Булат и не думал отходить.

Её страх пробуждал в нем дикие инстинкты. Выворачивал наизнанку нутро. Вытаскивал на свет Божий нечто неправильное, извращенное. Темное и жестокое.

Кто-то очень давно сказал, что если мужик не способен на эмоциональный срыв, то он импотент в эмоциональном плане. Валгаров же считал иначе.

Насмотрелся в своё время на отца и мать Мирона.

Контроль и взаимность – лучший расклад.

Самому ему никогда не приходилось принуждать женщин к чему-либо, надобности не было.

Булат Валгаров не относил себя к числу праведников. Если была надобность, он и женщин нагибал. Больше, конечно, тех, кто откровенно зарывался, переходил ему дорогу, некую черту, за которую ступать не стоило. Зарвавшихся дамочек он без сожаления и без оглядки на пол ставил на место.

Любовниц не обижал. Не унижал. Не кошмарил. Зачем?.. Они и так делали всё, что он хотел. Некоторые настолько изворачивались в постели, стараясь угодить, что он диву давался. Дамочки искренне считали, что чем больше они его удивят, тем выше у них шанс оказаться с ним в загсе.

С этой же...

– Нет... – снова повторила она, метнула на него взгляд и сразу отвела к полу, быстро затараторив: – Я увидела девочку вчера... Когда возвращалась из магазина. Начался дождь. Она была у реки... На берегу... Я привела её к себе... Всё! Пожалуйста... Пожалуйста...

Под конец её голос сорвался на истерические нотки.

Она не отрывала взгляд от пола, и вся её фигура выражала смирение.

Такая покорная. Такая... непонятная.

– У речки, говоришь? – в диалог вмешался Михай. Он работал у Булата много лет, матерый волчара, бывший спецназовец, ушедший сначала в бои, потом к нему. Булат предложил постоянную работу, Михай согласился. В своё время Валгар задался целью собрать вокруг себя именно своих людей, не только тех, кто работал на отца, хотя отец и утверждал, что у него-то как раз люди проверенные.

Ну да... Один из таких проверенных и замутил похищение Эльвиры.

Михай был надёжно женат уже более десяти лет и относился к числу тех мужчин, для которых лишь жена – идеальная женщина, а остальные... С

остальными можно особо и не церемониться.

Девчонка быстро закивала.

– Я из магазина возвращалась. Можете проверить... Я не одна там была...

Михей посмотрел на Булата, молча спрашивая о дальнейших действиях.

– Мы проверим. Где именно увидела Эльвиру?

Девушка, продолжая упираться одной рукой в стену и не делая лишних резких движений, подняла голову и повернулась в сторону Михея, игнорируя Валгара. Тот подобрался, точно хищник перед прыжком.

– Рядом с кустарниками. Почти у речки, – продолжила она говорить, то и дело срываясь на быстрый темп. – Дождь начался, и я её не сразу увидела. Да и разрушенный мост...

– Кто-то ещё был с ребенком?

Допрос вел Михей.

Булат молчал. Лишь тяжело, протяжно дышал, пытаясь усмирить душащий его изнутри огонь. Пережитое с момента похищения Эли давало о себе знать. Казалось, напряжение должно поутихнуть, дочь с ним. Но ни хера! Ничего подобного! Жажда крови требовала своего часа.

А тут эта... синеглазка.

– Нет, – быстро отреагировала она на вопрос Михея, для убедительности снова покачав головой. – Никого. Ни машин, ни людей. Бабка Клава в магазине говорила, что в поселке видела незнакомцев. Вас... Или кого-то другого... Я не знаю.

Михей снова посмотрел на Булата.

Тот медленно кивнул, давая согласие на встречу с местной сплетницей. Им нужна любая информация!

Потом глазами указал на девушку и покачал головой. Михей понял его без лишних слов.

И лишь затем озвучил вслух:

– Врача пригласи. Ногу ей посмотреть.

Он намеренно говорил о девчонке в третьем лице, точно её здесь не было.

Никакого больше контакта с ней.

Не в ближайшие часы.

Михей вышел за ним.

– Игнатъевича позвать?

– Пригласи Елену Евгеньевну, – глухо проговорил Булат, сжимая челюсть.

Елену Евгеньевну, жену Игнатъевича, они приглашали в редких случаях. Иван был у Булата на зарплате, тут проще.

– И... давай без жести, – добавил Валгаров после небольшой паузы.

– Девчонка не врет.

Он тоже склонялся к этой мысли. Но проверить стоит. На фоне того, что произошло, его мнительность подскочила в разы.

Валгаров привык знать, что вокруг него и его семьи безопасная зона. Сейчас она дала трещину, и её необходимо ликвидировать.

Булат прошел в спальню к дочке. Игнатъевич успокоил его, сказав, что пока ничего, кроме простуды, у девочки не диагностирует. Ну и, естественно, шок. Надо смотреть дальше, есть большая вероятность, что простуда перейдет в воспаление легких.

– Ей... не повредили? – глотая колючий ком в горле, уточнил он.

Иван понял его без лишнего уточнения.

– Нет. Никаких повреждений я не обнаружил. Синяки на кистях, коленках. Падала она. Ссадин много. Но в остальном... Всё тихо, Булат.

Им обоим разговор давался с трудом, несмотря на то, что были знакомы многие годы. Игнатъевич вел Эльку с рождения, знал про его дочь абсолютно всё, и она ему доверяла. Видела, всегда радовалась, даже когда болела. Поэтому о том, чтобы сразу вести её в поликлинику к незнакомым людям, речь не шла.

Чуть позже...

– Что сейчас?

Булат сжал переносицу двумя пальцами. В висках пульсировало от непроходящего напряжения. Он не спал с той минуты, как стало известно о похищении. Не мог есть, сидеть на месте. Рвался в бой, его останавливали, говорили, что необходимо сохранять спокойствие. Что те, кто затеял подобную заварушку, рассчитывали как раз на то, что он сорвется.

– Я дал ей успокоительное. Элечка спит.

Булат кивнул.

Дочка пришла в себя по пути домой. Повисла на его шее, вцепившись тонкими ручками. А Булат смотрел на ярко-красные полоски на её кистях и представлял, как лично будет убивать тех, кто её связывал.

По-другому никак.

Раз проявишь слабость – сожрут.

Булат прошёл к себе в комнату, скинул армейскую форму прямо на пол, прошел в ванную, вздернул кран в умывальнике и уперся руками в край навесной тумбы, наблюдая, как струится прозрачная жидкость. Мыслей в голове больше не было. Ни одной.

Сколько Валгаров так простоял, он не понял. В какой-то момент вынырнул из-под забытья, сполоснул лицо ледяной водой и направился в душ. Температуру воды он тоже выбрал максимально прохладную и лишь когда почувствовал, что тело начинает колотить от холода, переключил на более теплую.

Ни о каком сне речи не шло. Поспит ночью. Сейчас же...

Валгаров сделал несколько звонков, после чего прошел к бару и налил себе виски. Сейчас можно немного расслабиться. Если, конечно, алкоголь его возьмет, в чем мужчина сильно сомневался. Выпив содержимое стакана залпом, Булат посмотрел на часы и присвистнул. Куда делось почти три часа? Быстро переодевшись в домашние штаны и белую футболку, он направился к Эле.

Она по-прежнему спала, свернувшись в позу эмбриона. Булат подошел к кровати дочери и присел на край.

Его кровинушка. Его девочка...

Его маленькое чудо...

Булат отметил, как в глазах запекло, и криво усмехнулся. Сегодня ему никак не удавалось сдерживать эмоции. Казалось, вот Эля, перед ним, спит, дышит ровно, не вздрагивает во сне. Значит, ей не снятся кошмары. Тогда отчего душу продолжает рвать на части?

Поправив одеяло, Булат ещё некоторое время посидел у кровати дочери.

Убедившись, что с ней всё в относительном порядке, он поднялся и направился вниз.

В комнату для гостей.

Прошло достаточно времени, можно снова навестить незнакомку.

Глава 5

Девушка сидела на кровати и, как только Булат вошел в комнату, тоже поднялась, схватившись рукой за изножье кровати.

Валгаров мгновенно выцепил происшедшие с девчонкой изменения. По его подсчетам, она должна была прийти в себя и выглядеть лучше. На самом деле всё было с точностью до наоборот.

Волосы разлохмачены, на скуле ссадина, при виде которой по спине мужчины прошла холодная волна, не сулившая некоторым товарищам ничего хорошего.

Если Булат думал, что хотя бы немного успокоил зверя внутри, то он сильно ошибался. Не стоило приходить к незнакомке, но ноги сами принесли.

– Вы сволочь! – тихо, еле слышно прошептала она, яростно сверкая глазами. – Вы...

Больше у неё слов не нашлось.

Булат, сохраняя видимое спокойствие, плотно прикрывая дверь, сделал несколько шагов по направлению к незнакомке и не без удовольствия отметил, что девчонка распрямила плечи, хотя в её глазах по-прежнему плескался страх.

– Как тебя зовут?

Он остановился в полуметре от неё. Ближе подходить не стоило.

Валгаров никогда не верил, что можно потерять контроль над собой настолько, чтобы натворить дел, о которых потом будешь жалеть. За свои тридцать семь

лет он ни разу не терял, по крайней мере, в осознанном возрасте. Тем более с женщинами. Он даже не помнил, чтобы срывался и орал на кого-либо. Ему это было неинтересно.

Синеглазка – а мысленно он называл стоящую перед ним девушку именно так, несмотря на то, что глаза у неё были фиолетового оттенка, – вызывала в нем непонятные эмоции.

С самой первой минуты, когда он её увидел.

Валгаров, привыкший анализировать всё, что с ним происходило, спотыкался об эту мысль снова и снова. Если вначале можно было подумать, что на незнакомку он реагирует подобным образом по той причине, что у неё была его дочь, то что ему сейчас мешало адекватно поговорить с ней? Не напрягаться жилами, не всматриваться в нежное продолговатое лицо, не реагировать на неприкрытую обиду.

Он хотел разобраться.

Прямо здесь и сейчас.

– Виктория, – сквозь плотно сжатые губы процедила она.

Значит, «победа»...

Булат сдержался от ироничного замечания. Думается, только ленивый не прошелся по значению её имени.

Но ей шло. Определенно.

Девушка смело смотрела на него, с вызовом.

Готовая снова драться.

– Меня зовут Булат, – представился он и для полноты прояснения картины добавил: – Валгаров.

Его фамилию среди местных не знал разве что младенец. Булат к этому относился нормально. Он вообще думал, что девчонка узнает его ещё утром. Но нет... Видимо, в реальности его физиономия малость отличалась от той, что показывали медиа.

Тут он не ошибся. Услышав фамилию, что едва ли не ежедневно мелькала в сводках новостей, Виктория удивилась. Причем удивления скрыть не пыталась. Её глаза распахнулись, а немного пухлые и, к сожалению, обветренные губы даже приоткрылись.

Знакомая реакция, чего уж.

Булат давно привык, что многие люди реагировали на его имя аналогичным образом. Мужчины невольно расправляли плечи, в глазах появлялись значки валют, в голове – образы и ходы, как можно поиметь Валгарова или хотя бы примкнуть к его «столу». Девушки зачастую соображали быстрее. Как и просчитывали выгоду.

Булат относился спокойно к реакции на свою фамилию. Он с детства привык, что в его доме собирались сильные мира сего: партнеры отца по бизнесу, они же конкуренты, депутаты, губернаторы, криминальные авторитеты, модели и представители культуры. Отец дал ему хорошее образование... Даже то, что не купишь ни в одном университете.

Мужчина ещё некоторое время понаблюдал за Викторией. Та отчаянно пыталась взять себя в руки, справляясь с неверием. Интересно, за кого она его приняла? За бандита? Неужели настолько плох и безнадежен?

Булат протянул руку, взял девушку за подбородок, с легкостью преодолев её яростное, злое шипение, повернул к себе пострадавшую сторону лица и негромко спросил:

– Кто?

Его тон мог показаться спокойно-равнодушным. Но только не тем, кто много лет знал Валгара. Чем спокойнее его тон, тем опаснее и расчетливее мысли.

Кто-то послушался его приказа.

Он сказал: не жестить... А тут ссадина на лице.

– Я требую... – снова начала говорить Виктория, хватая воздух через сомкнутые губы и тяжело дыша, отчего её грудь призывно поднималась. Водолазка приятно очертила небольшие холмики, привлекая к ним внимание. Валгаров снова выругался. У него совсем крыша едет? Он девчонок давно не трахал? В чем дело? – Я требую, чтобы вы меня немедленно отпустили, – завершила она фразу, повторив начало.

– Я задал вопрос, ответь на него.

Она открыла рот... Розовые губы... Розовый язычок, мелькнувший между ними... Наваждение, с которым не мог справиться Булат. Мужчина четко осознавал, что воспринимает происходящее неправильно. Искражено.

Перед ним стояла молодая интересная девушка, которая с большой вероятностью спасла его дочку. И он должен быть ей благодарен. Должен сменить тон разговора, разместить её в другой комнате. Должен...

Вместо всего этого, он, как озабоченный придурок, пялится на её грудь и смотрит на её рот! Ищет, мать вашу, причины, по которым может ещё задержать её при себе!

Девушка судорожно вздохнула, больше даже всхлипнула, на её измученном красивом лице промелькнула рябь, и процедила:

– Да пошел ты!

После чего подалась назад, «выдергивая» своё лицо из его руки.

В голове Булата снова щелкнула яростная волна, с которой он жил последние сорок восемь часов. Внутренний зверь предупреждающе оскалил пасть, намекая, что нельзя так, что стоит быть осторожнее.

– Успокойся, – грубовато обрубил её мужчина.

– Успокоиться? Мне? Seriously? – Виктория истерически хмыкнула, больше не пытаясь сдерживаться. – Да что вы говорите! А что мне ещё сделать? Что раздвинуть?

Она смотрела на него зло. Её глаза пылали, грозясь его уничтожить. Булат медленно заводился. В груди разрастался жар, ядовитый, кислотный. Он распространялся по крови, выедавая внутренности. Валгаров впервые сталкивался с подобной реакцией. Он много повидал в своей жизни. Ненависть, презрение, желание уничтожить и покорить. Было всё. Он ходил по грани, играл с жизнями, в большинстве своём, с чужими. Часто рисковал. Он делал всё, что желала его душа. Булат всегда знал, когда остановиться, а когда натянуть вожжи. Он воспринимал свою власть над другими, как нечто само собой разумеющееся.

А у него была эта власть. Булат адекватно смотрел на свои возможности. Он владел состоянием, не просто большим – огромным. И мог позволить себе больше, чем другие.

Сейчас же его корежило, ломало. Его выворачивало от осознания, что происходит нечто, ему неподвластное. Привыкший всё контролировать, он терял нити управления.

Вполне возможно, что стоит лечь спать и завтра происходящее будет восприниматься совершенно иначе. Более спокойно и адекватно. Эмоции выровняются, и не будет жгучей потребности крушить все вокруг. А ещё выплеснуть адреналин, подмять под себя хрупкое девичье дело, намотав волосы на кулак, заломив позвоночник так, чтобы казалось: вот-вот, ещё чуть-чуть – и позвонки хрустнут.

– С тобой были грубы, Виктория? Поэтому я и спрашиваю: кто? Тот, кто ударил тебя по щеке, понесет наказание.

– Неужели? И какое же? Господи... – девушка провела рукой по лицу, как-то сразу обмякая. – Да отпустите вы меня! Я ни в чем не виновата! Я уже говорила! Я увидела девочку, принесла её домой и всё. А утром приехали вы... Вы подозреваете меня в причастности к похищению, правильно? Так проверьте! Пошлите ваших людей в деревню! И...

Она снова оборвала речь, уныло покачав головой.

Её боль и отчаяние полились наружу. Фиалковые глаза увлажнились, и девушка, шмыгнув носом и прикусив нижнюю губу, поспешно отвела голову в сторону, чтобы Булат не рассмотрел её слезы.

Несмотря ни на что, держалась она молодцом.

– Значит так, Виктория, сейчас ты пройдешь со мной в другую комнату. Давай без истерик и фокусов. Примешь душ, переоденешься, и мы сделаем ещё одну попытку поговорить.

* * *

Вика уперлась руками в кафель душевой и прикрыла глаза, позволяя теплым струям воды стекать по волосам, лицу, проникать в глаза и рот.

Как она умудрилась вляпаться во всё это дерьмо?

Как...

Правильно говорят: не делай добра – не получишь зла.

В груди нестерпимо жгло от обиды и непонимания. За что?.. Этот вопрос она задавала себе за сегодняшний день множество раз и не находила ответа. За доброту? За то, что не прошла мимо беды? Слезы снова зажгли в глазах. Она старалась не плакать, много часов старалась и всё – её силы на исходе. И физические, и душевные.

Но если отмотать время назад, то Вика поступила бы точно так же – не прошла бы мимо пострадавшей девочки, чей отец оказался настоящим монстром.

Нет-нет, эмпат в её душе то и дело пытался поднять голову и сообщить Виктории, что Булат Валгаров пережил не сравнимый ни с чем ужас. У него похитили ребенка. Любой родитель готов порвать каждого, кто причинит вред его чаду.

Только она при чем тут! Почему по ней прошлись вдоль и поперек?! Волна негодования заново накрывала Викторию, и девушка отказывалась ставить себя на место Валгарова.

Она допускала мысль, что её приняли за соучастницу. Что они не могли сразу же расположиться к ней доверием... Наверное, не могли...

Но, черт... Она-то как раз ни при чем!

Слезы смешались вместе с водой, и Вика сильнее зажмурила глаза.

Главное – пережить. Этот день рано или поздно завершится, и уже вечером она будет в доме дедушки Савелия. Ляжет на теплую родную кровать и уснет сном без сновидений. А завтра... Завтра будет завтра. Новый день и другие планы.

И никак иначе.

Вика приподняла голову и попыталась открыть глаза, сдвинулась назад, чтобы вода не затекала больше на лицо.

Значит, безопасник. Ну-ну.

Только она, будучи наивной дурой, не знала в лицо олигарха, нефтяного магната, «самого завидного жениха» региона и только она могла его принять за безопасника. Наверное, её смутила его военная выправка.

Откуда она могла взяться у олигарха?

Память учтиво подкинула информацию. Парадокс заключался в том, что несколько лет назад Вика читала биографию этого человека. У них с девчонками возник спор про «богатых и могущественных», и Вика полезла в сеть изучать Валгарова. Много не запомнила, потому что ей было неинтересно. Где она и где нефтяной магнат? В голове лишь отпечатались информация, что он учился в закрытом военном училище где-то в Европе. Тогда она ещё подумала, что мальчика отправили из дома подальше, чтобы не мешался.

Вот ей и прилетела ответка от Судьбы в извращенной форме.

Господин Валгаров лично принимал участие в поисках дочери. Что ж... За это плюс ему в карму. На этом достоинства данного мужчины перед Викой заканчивались. Более того, она не желала про него думать. Не желала вспоминать его жесткое, нет, даже жестокое лицо с пронзительно холодными глазами и голосом, от которого мурашки бегали по коже.

Властный. Привыкший, чтобы малейшее его желание исполняли сразу же, чтобы никто не смел противостоять.

Она и не собиралась...

У Вики было лишь одно желание – забыть этого человека и всё, что с ним связано, как кошмарный сон.

Единственный вопрос, не дающий Вике покоя: почему он лично осматривал её? В той ужасной комнате, явно предназначенной для «дорогих гостей».

Она помнила его руки на своем теле. Как они скользили, как трогали...

Вика вздрогнула и потянулась за гелем для душа.

Она не знала, сколько времени провела в ванной. Девушка намыливала тело снова и снова, меняя температуру воды.

Потом вышла и более спокойно осмотрела комнату.

Красивая и большая. Очень светлая, современная. Вика закуталась в халат, волосы замотала в полотенце. Посмотрела на больную ногу и озадаченно хмыкнула.

Воспаление налицо. Вика не удивится, если завтра у неё поднимется температура и мир снова заиграет новыми красками.

Её одежда была грязной и вонючей. Поэтому, когда Вика увидела просторные светлые брюки, футболку и хлопковое белье, первой мыслью было – послать «заботу» хозяина дома туда, куда она его направила ранее.

Здравый смысл всё же взял над эмоциями верх. Кому и что она докажет? Ну выйдет к Валгарову грозная и грязная. Дальше-то что? Ему от её вида будет холодно, жарко? Да ему плевать с большой колокольни. Может, поморщится, что грязнулю придется усаживать за стол, и только.

Кстати, Вику пытались накормить несколькими часами ранее, но она в сердцах швырнула поднос в стену. Кусок не лез в горло. Зато сейчас желудок сводило от голода. Она не ела со вчерашнего вечера.

Вика переоделась. В ванной нашла пластырь и мазь. Обработав повторно рану, почувствовала, как утихает зуд. Не одно, так второе.

Как оказалось, Вику ждали.

Прямо в коридоре.

Девушка вышла из спальни и натолкнулась на хмурый взгляд самого Булата Валгарова.

Хозяин дома стоял у стены, подпирая ту одним плечом, и буравил дверь комнаты, куда ранее проводил Вику.

Девушка ошалело моргнула. Потом второй раз. Она чего-то не понимала. Точнее, Вика уже ничего не понимала. При виде мужчины, который не скрывал своего раздражения, она немного стушеввалась. Он что, все это время ждал её? Да быть такого не может! Подобное предположение не укладывалось в голове. Скорее всего, он устал ждать и решил подняться за ней. И только.

Мужчина, хмурясь, молчал. Вика как застыла в дверном проеме, так и продолжила стоять на месте. То спокойствие, которое ей немного удалось достичь в ванной, испарилось в небытие. Его как и не было.

Глава 6

Булат рукой указал, куда ей идти.

Молча.

Вика, распрямив спину, последовала вперед. Ей не нравилось, что мужчина идет чуть сбоку. Всё равно получалось, что сзади. Где-то на животном уровне, на границе инстинктов, в ней поднимался дикий протест. И страх, перед которым девушка была бессильна, и именно последний гнал на неё истерику.

Они прошли в небольшую по меркам дома гостиную, где на столе был уже накрыт ужин.

Желудок снова предательски заурчал, выдавая девушку с головой. Своего голода Вика скрывать и не собиралась.

- Проходи.

Булат учтиво отодвинул стул, приглашая её сесть за стол.

Надо же... какая учтивость.

Кто посмотрит на них со стороны, подумает, что ничего противоестественного не происходит. Мужчина и женщина собираются поужинать и только.

Вика, сглотнув вязкую слюну, присела. Ей нужны силы, а значит, и еда.

Валгаров обошел стол и планировал занять место во главе стола, но его потревожил звонок. Мужчина достал телефон, посмотрел на Вику, которая делала вид, что её не интересует происходящее в комнате, и ответил:

- Слушаю, Вань. Да?.. Что-оо? В смысле?

Вика выпрямила спину...

Только не паниковать...

Не паниковать...

Это она пострадавшая сторона! Это её удерживают насильно в чужом доме! Это над ней свершается психологическое насилие!

– Разберемся, Игнатьевич. Да, конечно. И хорош ржать, смешно ему.

Мужчина завершил разговор, небрежно кинул телефон на стол, отчего по комнате разошлось гулкое эхо. Присаживаться за стол Валгаров больше не спешил. Уперся руками в столешницу. Его широкоплечая фигура снова стала восприниматься угрожающей.

А когда-то Вика говорила, что ей нравятся широкоплечие и высокие мужчины?

Теперь берет свои слова обратно.

Хотя почему берет... Давно уже взяла. Сегодня в очередной раз убедилась, насколько её жизненная позиция и взгляды на окружающий мир оказались наивными. Кто сказал, что они живут в безопасности? Что вокруг одни «розовые единороги»?

– Ты подралась с Еленой Евгеньевной.

Фраза не звучала, как вопрос. Она была задана ровным и на первый взгляд спокойным тоном. Но Вика отчетливо уловила в нем некие интонации, определить которые пока была не в состоянии. Да и не стремилась разобраться.

Ей это не надо.

Неинтересно.

– Я никому не позволю меня трогать, – также ровно ответила она, смотря перед собой.

Если он приблизится... Сделает шаг в её сторону...

Она за себя не отвечает.

Вика четко отдавала себе отчет: с Валгаровым ей не справиться. Ни под каким предлогом, даже если сейчас ей дадут в руки дедушкину двустволку. Также она понимала, что нет предпосылок к тому, что мужчина на неё нападет. Если он, конечно, не маньяк и не садист. В последнем случае про её существование забудут через пару месяцев. Никто не позвонит, не поинтересуется, что она пропала. Даже менты не забеспокоятся.

Но хотелось верить в положительный исход того безумия, что, как торнадо, закружил вокруг нее.

– Я специально пригласил женщину.

– И за это мне стоит вас поблагодарить? – не выдержала Вика и повернула голову в его сторону.

Лучше бы не делала... Лучше бы смотрела впереди себя...

Потому что Булат Валгаров пристально смотрел на неё.

Она не понимала его внимания к себе. Стоило только посмотреть в его сторону, как Вика тотчас наталкивалась на прожигающий, не несущий ей ничего хорошего взгляд. Ладно... Ладно, предположим, что ранее мужчина был взбешен тем, что Вика в него пальнула, и обвинял в возможном соучастии в похищении ребенка. А сейчас что?! Она для него диковинка? Или его настолько гложет ущемленное самолюбие оттого, что девушка посмела наставить на него двустволку, и теперь он жаждет отмщения?

Кому мстить-то?

Поломанной и без него девушке?

Вопрос нефтянику не понравился. Мужчина напрягся ещё сильнее, сжал недовольно губы, на скулах заходили желваки.

– Возможно, и стоит, – грубо и жестко бросил он в ответ.

– Нет, – на чистом упрямстве продолжила девушка, отчаянно сводя колени вместе. – Вы перешли границы дозволенного. Вместо того чтобы поговорить, выслушать... Вы кинули меня в комнату без окон и дверей, как какую-то преступницу. После чего произвели осмотр, на который не имели права. Вы!.. – каждое слово, выточенное и множество раз произнесенное за последние часы, давалось с трудом. Она знала, что и как надо говорить, но сейчас, под темным взглядом недружелюбных и откровенно враждебных глаз, тушевалась и терялась. – Лично вы щупали меня, а это уже можно расценить, как сексуальное домогательство и...

– И куда ты собираешься обратиться с жалобой на харассмент?

– Вы иронизируете? Вам забавно? – горечь полоснула Вику.

– Нет, Виктория, мне не забавно. Я двое суток не мог найти дочь. Я не знал, что с ней. Где она. Похититель не выходил на связь. Я не знал, жива ли она. И, поверьте, я готов лично линчевать любого, кто причинит ей вред. В прошлом или будущем.

– Но я-то как раз не причиняла! Я...

– Сбавьте немного тон, Виктория. Иначе разговора не будет.

Вика открыла рот и почти сразу же прикрыла его. Не потому что Валгаров так распорядился.

А потому что бесполезно. Его холеное лицо ничего не выражало. Он был уверен в своей правоте. В своей безнаказанности и вседозволенности. Что бы она ни говорила, какие бы слова ни произносила, он её не услышит. Ему неинтересно. У него в отношении неё есть уже сложившееся мнение, игравшее против неё. Оставалось только ждать. Не злить его сильнее.

Как Вика видела дальнейшее развитие событий: Валгаров отправляет или уже отправил людей к ней в поселок, они быстро узнают, что к чему, и уже сегодня вечером или завтра утром её отпустят.

Всё.

Поэтому она сбавит тон. Не полезет на рожон. Поступит более мудро и здраво.

Вика медленно кивнула и отвела от мужчины взгляд.

Пусть идет к черту...

Главное – переждать. Рано или поздно это безумие закончится. Ведь правда?..

Парадокс заключался в том, что драки не было. Так, чуть-чуть если. Когда к Вике подошла привлекательная женщина лет сорока и попросила разрешения её осмотреть, та ответила категорическим отказом. Её отказ не восприняли всерьез. Врач сделала шаг в её сторону. Вика в сердцах толкнула незнакомку, та пошатнулась, взмахнув рукой. Вика позабыла о травме, боль прострельнула тело, ноги ослабли, заплелись между собой, и девушка со всей дури рухнула на пол, саданувшись лицом о кафель. Пришедший врач, матерясь, как заправский строитель, бросилась ей помогать.

Тишина в малой гостиной давила. Валгаров не спешил продолжать разговор. Вика предпочла бы, чтобы он и дальше молчал.

Ей доводилось сталкиваться с людьми, которые одним своим присутствием подавляли других. Но олигарх...

Тут без комментариев.

Девушка услышала, как он отодвигает стул и садится.

– Расскажи, как было. С самого начала. И... – пауза. – Кушай.

Вика открыла баранчик и придвинула к себе еду. Рис с мясом под каким-то замысловатым соусом. Не будь она настолько голодна, не притронулась бы в этом доме ни к чему. Но есть хотелось дико.

– Я возвращалась из магазина. Начался дождь. Дорогу размывало. Я перешла мост и увидела в кустах нечто, отдаленно напоминающее живое существо. Оказалось, ребенок. Мне ничего не оставалось делать, как взять его к себе, потому что рядом никого из других взрослых не было, – методично и как можно

безразличнее повторила Виктория. Если потребуется, она ещё раз десять расскажет то, что произошло ночью. – К сожалению, из-за непогоды у нас вырубili свет, и я не смогла оказать девочке соответствующий уход.

– Где ты повредила ногу?

А это к чему?

Вика снова насторожилась.

– Упала на мосту.

Изворачиваться и вставать в позу она больше не собиралась. Точнее, ровно до того момента, пока её не тронут.

Вика не сделала ничего противозаконного. В отношении ребенка – точно.

– Почему ты решила оказать Эле помощь?

– В смысле? – Вику настолько удивил вопрос Валгарова, что она снова посмотрела на мужчину.

Тот, в отличие от нее, к еде не притронулся.

– Многие на твоём месте даже не подошли бы.

С языка так и норовила слететь фраза, что, видимо, он как раз себя и причисляет к «многим». Вика поспешно перевела взгляд на тарелку. Меньше говорит – целее будет. И в прямом, и в переносном смысле.

– Я не прошла мимо, – Вика слегка повела плечами.

На неё давило всё: комната, чужой дом, мужчина, не вызывающий ни капли симпатии.

Да, Волгаров отец похищенного ребенка. Да и Вика, не приведи Господи, вела бы себя не менее агрессивно, окажись она на его месте. Между тем, оправдывать его девушка не собиралась.

Кстати, прошел день, а Вика ни разу не видела мать Эли. Странно.

– Ты думаешь, что за добро тебе отплатили злом. Виктория, если твои слова подтвердятся и окажется, что ты на самом деле способствовала спасению дочери, я в долгу не останусь.

Так он ещё продолжает сомневаться! Надо же... Или его специалисты проверяют её биографию вдоль и поперек? Изучают последние годы жизни?

– Мне не нужна ваша благодарность, – негромко сказала девушка, отправляя в рот первый кусок мяса. – Я хочу домой. И только.

На лице мужчины не дрогнул ни один мускул.

– Не спеши отказываться от благодарности такого человека, как я.

Викю снова пробрало. Что бы ни сказал Валгаров, ей во всем виделись подвох и скрытая угроза. На ум пришла «благодарность» императоров и царей, когда служивым они раздавали плети и отправляли в ссылку.

Девушка ничего не могла поделать с собственной реакцией. Да и кто бы её обвинил в этом? С ней обошлись как с преступницей, и, что бы сейчас ни говорил хозяин дома, он нес угрозу.

Вика оставила его фразу без ответа. Пусть думает, что хочет. Это его дело. Выбраться бы из-за высоких ворот этого дома, а дальше она как-нибудь сама.

– Вина?

Валгаров взял уже открытую бутылку и потянулся за бокалом.

Разливающий и ухаживающей за ней, простой смертной девушкой, нефтяной магнат? Пожалуй, это перебор.

Даже для сегодняшнего дня...

– Нет, спасибо, – она поспешно облизнула губы и вздрогнула, когда послышался звон хрусталя о бутылку. Вика не поняла, что случилось. Как получилось, что фужер столкнулся с бутылкой?

– Ты напряжена.

– Булат... Простите, не знаю, как вас по отчеству, – тот человек, что приходил с ним, обращался к нему, но Вика не запомнила как. Ни к чему ей лишняя информация. – Я одного не могу понять: вы сейчас прикалываетесь надо мной? У вас шуточки такие извращенные? Вы, правда, решили, что после того, как вы лично и ваши люди обошлись со мной, я буду вести с вами светские беседы и распивать вино, чтобы угодить?

По мере того, как она говорила, лицо мужчины становилось непроницаемым. Хотя, казалось, куда уже.

Викунесло. Она не могла остановиться. Знала: надо. Ни к чему накалять атмосферу и дальше. Только всему есть предел и человеческому резерву тоже.

– Я нахожусь с вами по одной единственной причине – у меня нутро сводит от ужаса и страха. На данный момент я расцениваю своё положение в вашем доме, как насильственное удержание. Выражаясь проще, вы меня удерживаете силой помимо моей воли. И, что бы вы мне сейчас ни говорили, факт остается фактом. Расслабляться и вести задушевные беседы в том состоянии, в котором я нахожусь, не получится. Это первое. Второе, вы не располагаете к тому, чтобы я расслабилась в вашем обществе. Я хочу уйти из этого дома. Но я так понимаю, что, пока ваши люди не соберут обо мне всю информацию, это невозможно. Поэтому... – она перевела дыхание, не веря, что выпалила тираду до конца. – Я хочу уйти в любую другую комнату и лечь спать. Такое возможно?

Вика отодвинула от себя тарелку.

Наивно было полагать, что кусок ползет в горло. Водички попила, и уже хорошо.

Валгаров сцепил пальцы в замок.

– Ко мне можно обращаться по имени, давай без игры в отчества и прочей хрени. Я тебя услышал, Вика. Иди, отдыхай. Твоя комната наверху.

И всё? Так просто и величаво?

Вика поднялась, отодвинула стул и на негнущихся ногах пошла прочь, чувствуя, как её спину прожигает чужой недружелюбный взгляд.

Глава 7

Проснулась Вика в липком поту. Сев на кровати, провела обеими руками по лицу, а потом и по спутанным волосам.

Вот и поспала...

На крепкий сон она и не рассчитывала. Знала, что и эта ночь будет той ещё.

Чужой дом... Чужая спальня... Всё чужое.

Вика подтянула колени к животу и обхватила их руками.

Сколько так просидела, она не знала. Её вроде и морило, клонило в сон, но Вика не ложилась.

Не могла.

В конечном итоге девушка поднялась с постели. Вроде как задремал восход, или она ошибалась?

Ужасно хотелось кофе. Вика снова оделась в предоставленную ей одежду. Единственное, по старой привычке не стала надевать носки. Теплые полы в особняке Валгарова обеспечивали комфорт голым ступням.

Вика, стараясь не шуметь, приоткрыла дверь спальни и не без облегчения заметила, что на этот раз никто не караулит у противоположной стены, охрану не выставили. Горькая улыбка искривила обветренные и искусанные губы. Какая охрана, Вика? Совсем с головой перестаешь дружить?

Ей во всем теперь виделись заговор и интриги?

Да кому она нужна...

Вика всё равно осмотрелась. Ничего не могла с собой поделаться.

Зов кофе оказался куда сильнее страха, и девушка, прислушиваясь к тишине в доме, спустилась вниз. Если она правильно запомнила, кухня находилась рядом с гостиной, где они ужинали. Интересно, у олигарха кухарка водится? Наверняка. И не кухарка, а шеф-повар, скорее всего.

Интуиция Вику не подвела. Она правильно определила кухню.

Часы на духовом шкафу показали 5:14. Рановато, конечно, но не возвращаться же назад.

Вика оглядела кухню. Мечта любой домохозяйки и только. Она любила готовить и мечтала, что однажды у неё будет большой дом с очень комфортной и тщательно спланированной кухней. Грустная улыбка коснулась губ девушки. Мечтать не вредно, только к двадцати четырем годам пора с мечтами быть осторожнее. И думать о том, что может осуществиться. Большой дом ей никак не светит в ближайшие годы. А то и десятилетие.

Кофе Вика сделала быстро. Правда, постоянно оглядывалась и прислушивалась.

И всё-таки оказалась неготовой, когда за спиной раздалось негромкое:

– А мне капучино можно?

Как Вика не расплескала горячий напиток – вопрос. Она поставила его на столешницу и лишь потом обернулась.

Голос ей показался смутно знакомым. Но он точно не принадлежал Валгарову.

Перед столом стоял мужчина, которого Вика сразу же узнала.

Именно он вырубил её после того, как она пальнула в Валгарова. И именно он рассматривал её потом, как забавную зверушку.

Оказывается, Вика запомнила.

- Как хотите, - нейтрально отозвалась она, прислушиваясь к себе.

Мужчина усмехнулся. Высокий, крепкий, бородатый. Этаким мачо.

От которого тоже не стоит ждать ничего положительного.

Вика и его воспринимала, как угрозу.

Ловко они справляются с девушками. Да и не с девушками тоже.

- То есть мне нельзя рассчитывать на то, что ты и мне приготовишь кофе? - его голос звучал приветливо.

Как быстро и ловко менялся настрой у работающих на Валгарова бойцов!

Он бы ещё улыбнулся ей!

- Нет, - твердо ответила она, несмотря на то, что одна горячая волна сменила другую.

Недолго длилось спокойствие Вики. Не дали кофе попить по-человечески. Что ему не спится в столь ранний час? Или она ошиблась, и за ней всё-таки присматривали?

- Значит, самому придется. Эх...

На мужском лице отразилось наигранное сожаление. Вике же захотелось запустить в него сахарницей. И убраться подальше от незнакомца.

Когда он подошёл к кофемашине, Вика поспешно сделала несколько шагов назад. Двигалась она, скользя спиной по краю столешницы, и не сводила пристального взгляда с бойца.

Тот нахмурился.

– Эй, пигалица, ты чего? Боишься меня? С какой стати?

И правда, с какой?

– Можно ко мне не подходить? Я хочу попить кофе. Опять же... Если не запрещено.

И метнула взгляд на чашку, которая осталась стоять неподалеку от кофемашины.

Мужчина оказался выше и мощнее, чем ей запомнилось. Вроде и не качок, но сразу видно: сильный и тренированный.

– Даже так, – недовольно протянул он, скрещивая руки на груди и хмуро смотря в сторону девушки. – Мы вроде бы тебя не обижали.

– Неужели? – обида снова колыхнулась в груди Виктории. – Лично от вашей «необиды» у меня шея до сих пор болит.

Последнюю фразу ей не стоило говорить. Глаза мужчины сразу похолодели, лицо заострилось.

– Извиняться не буду, – недовольно бросил он и, достав с верхней полки большую кружку, направился к холодильнику за молоком.

Как только боец отошел, Вика сразу же схватила свою чашку и отошла ещё дальше.

– Меня Савелием зовут, – зачем-то представился мужчина, закрывая холодильник.

Надо же, тезка её дедушки.

Вика промолчала, сделала глоток обжигающе-бодрящего напитка. Потом сразу второй.

Вот... Уже лучше... Уже человеком себя начинает ощущать...

– И даже не скажешь ради приличия, что рада со мной познакомиться? – голос бойца снова приобрел подтрунивающие нотки.

– Не скажу, – упрямо пробормотала она, не желая поддерживать диалог.

Этому Савелию заняться больше нечем, как только разговаривать с ней? Видимо, реально нечем, скучно бойцу, развлекается в ранний час, как может.

– Зубки и тут продолжаешь показывать?

Мужчина запустил кофемашину и, не таясь, посмотрел в сторону Вики. Девушка же подумала, что пора уходить с кухни. Если она унесет с собой кофе, то ничего криминального не будет?

Перемену в мужчине она заметила сразу. Тот подобрался, выпрямился. Вика не поняла, в чем причина. Что произошло? Изменения насторожили и её. Не к добру... Любые передвижения, любые смены антуража в этом доме не несли ей ничего хорошего.

Через минуту девушка поняла, в чем дело. Из-за неопытности, отсутствия необходимости прислушиваться и быть постоянно начеку не услышала приближающихся шагов. Ещё одних... Савелий услышал.

На кухню входил сам Валгаров.

Держа на руках дочку.

Первое, на что обратила внимание Вика, – как трепетно и нежно девочка обнимала отца за крепкую шею. Уткнулась в неё, прильнула. И лишь когда они вошли в комнату, повернула голову, видимо, краем глаза заметив других людей.

Девочка выглядела намного лучше, чем её запомнила Виктория. На маленьком, красивом личике не было следов грязи и крови. Волосы аккуратно расчесаны и свободно струились по тонким плечам. Лишь неестественно красные щеки на бледном лице выдавали истинное физическое состояние девочки.

Смотря на неё, у Вики сердце кровью обливалось. Такая маленькая... И уже столкнулась с жестокостью мира. И глазищи на пол-лица. Красивая девочка вырастет. В маму, наверное.

Про папу Вика себе запретила думать. Поставила блок.

Хотя пару секунд спустя её взгляд всё же метнулся к нему.

На Валгарова невозможно не обратить внимания. Он точно забирал на себя пространство, его аура, наполненная властью и влиянием, подчиняла.

Вика сразу подобралась.

Попила кофе...

И что им всем не спится? Рано же.

– Доброе утро, Булат Маратович, – Савелий тоже подобрался, вальяжность исчезла из его фигуры. – Эля, привет.

Валгаров просканировал взглядом сначала бойца и потом медленно, точно в замедленной съемке, посмотрел на Вику. Та из чистого упрямства взгляда не отвела.

К черту...

– Что тут происходит? – холодно поинтересовался он, не скрывая своего недовольства.

Снова в дурном расположении духа... Вика внутренне поморщилась. Хоть бы при ребенке вел себя иначе.

С другой стороны, какой отец будет с ребенком возиться в пять утра? И снова нигде не наблюдалось матери. Может, они в разводе, и Валгаров отобрал ребенка у жены? Скорее всего, так и есть.

То, как обвивала его шею девочка, нашло отклик в душе Вики. Так нежно... Трепетно... Доверчиво...

- Ничего, Булат Маратович. Вот, кофе пьем.

Вика в диалог не вступала. Не считала нужным. Она в этом доме невольная пленница, если её ни о чем не спрашивают – высовываться не будет. Лучше постоит в сторонке, понаблюдает. Как только выдастся возможность уйти – уйдет.

Единственное, что её встревожило сильно, на грани инстинктов, – ощущение, что вопрос был адресован именно ей. И касался он непосредственно её. Как и недовольство хозяина дома. Может, ей не стоило выходить из комнаты? Надо было дожидаться утра, когда за ней придут? Но смысл? В конце-то концов, Вика живой человек, и они прояснили, что она не причастна к похищению Эли. Правильно она запомнила имя девочки?

В груди у Вики тревожно заняло от дурного предчувствия. Кажется, она поспешила, решив, что утром будет проще, что вчерашняя буря окончательно уляжется за ночь.

По спине девушки прошелся неприятный холод.

- Как интересно, – вздернул кверху бровь нефтяник, проходя дальше.

Ощущение надвигающейся угрозы у Виктории усилилось. Она одернула себя. Совсем перестает воспринимать окружающий мир нормально.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/kistyaeva_marina/lyubov-oligarha

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)